

Владимир ЛАВРИШКО
Фото из архива редакции

Литературное объединение «Орфей» появилось в Набережных Челнах на следующий же год после начала строительства КамАЗа. И быстро стало знаменитым на всю страну.

Тому было две причины. Во-первых, заседания «Орфея» не пропускали журналистская братия. Романтике труда первостроителей якуте створчеством молодых, представлявшими весь СССР, привлекали местные и всесоюзные издания, редакции телевидения и радио. Так члены «Орфея» сразу стали звездами голубых экранов, газетных и журнальных страниц поэтических сборников. Во-вторых, в объединении действительно собирались живая, рисковая и по-настоящему талантливая молодежь.

Так что свою минуту славы орфессы заслуживали по достоинству. Особенно часто здесь звучали имена знаменитой троицы: Валерия Сурова, Руслана Галимова и Елены Кувайцевы. Три судьбы, три загадки прецессионного ухода.

Самым-самым был Женя Кувайцев. Некоторые его стихи в ту пору украшали фронтоны домов и мостовых проходов Яркой тому пример — строки, опоясывавшие эстакаду на въезде в автоград.

Жена работал на строительстве плотником. Лицо этого парня, открытое и глдкое, как речной гольыш, было освещено яркими веснушками. Был он говорлив, неуемен в спорах. Писал задорные стихи в духе романтики первых пятилеток «Этой, комсомольцы, молодожено, вам эта стойка большая доверя! Самая нужная, самая важная! Вперед неотступно, брата отважный!»

Не из расчетливого приспособленчества к газетным лозунгам слагал эти строки Кувайцев. Он искренне так думал, чувствовал, верил и считал правильным так жить. Советская власть, неустанны и во многом наивно воспитывала человека светлого будущего, кое в чем преуспела. В ту пору еще встречались, и не так уж редко, люди, готовые «прежде думать о Родине, а потом о себе». Женя принадлежал к такой породе. Был он женат, имел doch и раннюю лысину, но оставался не только самым возрастным, но и самым активным членом литобъединения.

Со временем чуть ли не все орфессы поступили в Литературный институт — кто на очные, кто на заочное отделение. И только Кувайцев никак не мог пройти творческого конкурса, в отчаянии сам уже понимая, что вредит ему как раз вот эта его рабочая закваска. В стране пышным цветом подступило уже цвело неизбужающая эра, и вся эта поэзия от сохи и стакана приемной комиссии воспринималась как замшелый мюсетон. На шестой раз, осознавая, видимо, что нелевко так упорно откладывать с порога рабочего поэта, да

В июне 1974 года строители КамАЗа смогли увидеть в Набережных Челнах не только Высоцкого-артиста, но и популярнейшего барда.

Такими запомнились строителям КамАЗа Евгений Кувайев, Руслан Галимов, Валерий Суров.

лан был живой легендой, при том, что стихов его не печатали совершенно. Работал он бетонщиком, ходил в брезентовой куртке с надписью на спине. По камазовской моде так обозначали названия городов, откуда прибили на стройку. У Руслана на брезентухе было написано «Зурбаган». Жил он в общаге, то на брандвахте, а то и вовсе у сторожа на местном кладбище. Стихи писал ни на что не похожие, в них не было ни rhyme, ни размера. Гениально занялся, что за Кувайцева замолвил слово сам Евгений Евтушенко. Где истина? И нужно ли теперь ее искать?

Самого Женю Кувайцева безуспешно ищут с апреля 2001 года. Он подрабатывал установкой дверей новоселам и как-то заметил, что на автостоянке стали пропадать из багажника его машины рабочий инструмент и материалы. Предъявив претензии владельцам стоянки, вспыхнул конфликт, чуть не закончившийся дракой. После этого Кувайцева никто не видел. Классный плотник Евгений Кувайцев так в воду канул.

Впрочем, поэт Евгений Кувайцев, знаменитый автор завещания потомкам — «Город дарю вам, построенный мною, живите!» — кончился еще раньше. С начала 90-х годов он разочаровался в поэзии, в ее способности влиять на души людей, исправляя социальные и человеческие пороки. И даже отказался издать книгу своих стихов, хотя ему неоднократно предлагали это сделать.

Если Кувайцев был самым знаменитым, то Руслан Галимов — самым талантливым. Я

сказал бы, даже гениальным, если бы слово это не лишили всякого смысла, пропагандируя любого нахрапистого слагателя песенной халтуры. Руслан

лимов, — написал в своем дневнике Нагибин, — татарин, бывший детдомовец, рабочий, опубликовавший в «Новом мире» два мыльных стихотворения. Но на семинаре он присутствовал в качестве прозаика, хотя лучшим у него оказалось стихотворение о первом крике младенца. Мне удалось протолкнуть его в «Сельскую молодежь». Галимов мне понравился: хорошее лицо, искренность, даже неотчужденная, сбивчивая речь была обаятельна. И вдруг отчего-то испугавшись за него, я сказал: «Если вы не погибнете, то станете большиным писателем».

Нагибин оказался провидцем.

После того как погорбатился в шахтах Донбасса и Воркуты, глубиной и мраком не уступающих орфесовскому дну, в Челнах Суров стал монгажином-комсомолчиком, потом был начальником комсомольского штаба стройки. В комнатах общаги, где он жил с пятью соседями, только Суров имел личный телефон. По нему он «доставал» нерадивых поставщиков, выбивая бетон и конструкции. В изголовье кровати на тумбочке у него стояла гармонь. Валера играл на ней так же здорово, как писал свои цветистые рассказы. Он был поклонником опального актера и барда Галича. Может быть, и по этой причине ярких, легких суровских рассказов и не печатали.

Из его письма, отправленного в июне 1977 года, следует,

что известный московский литератор, рекомендую его стихи к изданию, сделал упор не на поэтических качествах, а на том, что дескать, написал это

простой, но очень образованный, но одаренный парень-татарин, нуждающийся в поддержке. А выступать под та-

ким соусом Руслану не хотелось.

Да, он обладал большим чувством собственного достоинства и реагировал на некоторые вещи очень болезненно. Так или иначе, но набранные уже рассказы в журнале «Выкнигула», а издательство вместо запланированной отдельной книжки оставил его при коллективной, на троих. Но и ту Галимов не смог увидеть. Она вышла через неделю после того, как он внезапно, буквально в десять дней, скончался от лейкемии.

Книжка избранный поэзии и прозы Руслана Галимова «Тебя не вызовут на бис» увидела свет много лет спустя.

Книгу о строителях КамАЗа издал сам Паупкин, включивший Сурова в число ее героев. Однако Валера и сам хотел издавать, дарить свои книги. Копаче говоря, покинув челябинскую общагу, он бросил якорь в Питере.

На берегах Невы Суров при его лидерских качествах, по-тройской коммуникабельности, несомненно, таланте быстро пошел в гору. В Ленинграде вышла его первая книжка рассказов «С новым снегом», а там пошли-поехали: публикации в питерских и московских журналах, вплоть до «Нового мира», книги в разных издачах...

Когда в 1985 году я с женой и дочкой свалился ему как снег на голову из экскурсионных цели, то нашел Валеру уже в журнале «Нева», где он трудился старшим редактором отдела прозы. На ночь он приоткрыл нас в своей квартире, а наутро внедрил в гостиницу «Советская». По тем временам это было очень круто и характеризовало Сурова не менее красноречиво, чем десяток уже выпущенных книг и обретенная в Ленинграде четырехкомнатная квартира. Впрочем, для старых товарищей он был по-прежнему гостеприимен. Изредка мы с ним переписывались, из его весточек я узнавал то о рождении сына, то о новоселе.

А потом рухнул СССР, а вместе с ним советская литература и благородное сурское существование. Валера, сменив перо на топор и пилу, отправился зарабатывать на жизнь строительной шашбашкой. А в 1996 году пришло печальное известие. Видимо, все-таки не прошел даром подземный стаж, вынесенный Валерой в название одной из его книг. У дышащих угольной пылью горняков сильнозараженные болезни, а от него рукой подать и до той страшной болезни, что не дала ему разменять даже «полтинники».

Похоронен Валерий Суров на Литераторских мостках Волковского кладбища. В век всеведения Интернета желающие могут даже взглянуть на его могилу, не отходя от компьютера, или прочитать байку питерского литератора Сергея Арно о похоронах.

И сам Валерий Суров, и книги его ныне под забытье. Классиком он, увы, не стал. Но имя его не канет в Лету благодаря одному произведению — я о его дочери Марии Суровой, актрисе театра и кино, снявшейся у Сергея Соловьева в экранизации чеховских «Трех сестер» и в фильме «2-АССА-2», ставшей геройней поэм Дмитрия Быкова «Ночные электрички». Мария унаследовала не только актерское дарование матери, но и литературный талант отца. И, судя по выложенному в Сети ее юношескому произведению «Космос», отца на этом поприще она превзошла.